

УДК 177

Румянцева Нина Леонидовна

кандидат технических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности (г. Москва)
тел.: (495) 549-86-89

**СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
КАК ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА
И КОЛЛЕКТИВИЗМА В ТРУДАХ Ф. ХАЙЕКА,
Р. АРОНА, К. ПОППЕРА:
ЧАСТЬ 2. Р. АРОН**

Во 2-ой части статьи рассмотрены основные положения концепции социальной эволюции Р. Арона, переведшего проблему индивидуализма и коллективизма в политическую плоскость и рассматривавшего однопартийные и многопартийные режимы, их существенные черты, разновидности, различия. Он отмечает страх и насилие, на котором держатся однопартийные режимы, их революционный характер, переход к тоталитаризму. В то же время уважение к закону – основное свойство многопартийных режимов. Дан критический анализ этой концепции.

Ключевые слова: однопартийный, многопартийный, насилие, революционный, тоталитаризм, законность.

Rumyantseva Nina Leonidoivna

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property
tel.: (495) 549-86-89

**SOCIAL HUMAN EVOLUTION AS
THE EVOLUTION OF INDIVIDUALISM
AND COLLECTIVISM IN THE WORKS
OF F. HAYEK, R. ARON, K. POPPER:
PART 2. R. ARON**

In the present second part of the work substantive provisions of the concept of social evolution of R. Aron who transferred the problem of individualism and collectivism into a political plane considering both one-party and multi-party systems, their essential lines, versions, distinctions are analyzed. He marks fear and violence as the basis of one-party systems, their revolutionary character, transition to totalitarianism. At the same time respect for the law is the basic property of multi-party systems. The critical analysis of this concept is given.

Key words: one-party, multi-party, violence, revolutionary, totalitarianism, legality.

Р. Арон (1905-1983 гг.) перевел проблему индивидуальности и коллективности в политическую плоскость и рассматривал однопартийные и многопартийные режимы, их существенные черты, разновидности и различия.

Основные понятия, через призму которых Р. Арон исследует разные общества – это понятия «законная политическая деятельность» и «конституционный характер режима»: «под законной политической деятельностью я подразумеваю участие в борьбе за реализацию власти, а также в определении плана действий и плана устройства всего сообщества» [1, с. 30]; «режим, при котором существуют многочисленные соперничающие между собой партии, носит конституционный характер» [1, с. 28].

Философ так видит принцип однопартийного режима: «принцип, лежащий в основе однопартийного режима ... сочетание двух чувств. Веры и страха» [1, с. 33]. А если веры нет, то «для прочности режимов, основанных на партийном монополизме, нужны не только вера и энтузиазм верующих, но и непременно – сознание своего бессилия неверующими» [1, с. 33].

Об особенностях государства при монополии одной партии: «когда монополия на политическую деятельность у одной партии, государство оказывается неразрывно связанным с нею» [1, с. 30]. В этом случае государство вынуждено ограничивать свободу политических дискуссий: «Если вместо государства партий существует партийное государство, оно вынуждено ограничивать свободу политической дискуссии. Поскольку государство утверждает единственную идеологию – идеологию партии, монополизировавшей власть, оно официально не может разрешить поставить эту идеологию под сомнение». [1, с. 31]. Как ведет себя государство по отношению к беспартийным? «Логика такого режима не в том, чтобы обеспечить законность и умеренность в реализации власти... Государство партийного типа оставляет за собой почти безграничные возможности воздействия на тех, кто в партии не состоит. Впрочем, можно ли требовать умеренности и законности, если оправдание монополизма – размах революционных преобразований, а сами преобразования – провозглашенная цель?» [1, с. 31].

Автор полагает, что монополия на власть одной партии должна быть чем-то оправдана: «почему некая группа, и только она, имеет право на участие в политической жизни? У различных однопартийных режимов различные оправдания своей монополии... Коммунистическая партия СССР предлагает две системы оправданий: первая основана на понятии подлинного представительства, вторая оперирует понятием исторической цели» [1, с. 30].

Арон противопоставляет отношение к насилию в разных режимах «Единственная партия – по сути своей партия действия, партия революционная. Однопартийные режимы обращены к будущему, их высшее оправдание не в том, что было или есть, а в том, что будет. Будучи режимами революционными, они связаны с элементами насилия. Нельзя требовать от них того, что образует сущность многопартийных режимов, – соблюдения законности и умеренности, уважения интересов и мировоззрений всех групп» [1, с. 31]. Насилие, революция – это прекращение законности: «Мне кажется предпочтительным сохранять за понятием революции его подлинный смысл, а именно – прекращение законности. В этом смысле режимы с единовластной партией по сути своей изначально революционны, коль скоро орудие захвата власти – насилие. Революционными они остаются в течение более или менее длительного периода.... Режимы с единовластной партией, в частности – коммунистические, склонны оставаться режимами перманентной революции» [1, с. 131]. Сам приход к власти одной партии – акт насилия: «в большинстве случаев одна партия овладевает государством не в соответствии с правилами, а силой» [1, с. 31].

О свободе слова: «Но сущность однопартийного режима, где государство определяется идеологией партии, монополюно владеющей властью, одна: запрет всех идей, изъятие из открытого обсуждения множества тем, позволяющих обнаружить различные точки зрения» [1, с. 31].

О фиктивном характере выборов в однопартийном режиме: «кто же избирает носителей власти в партии-монополисте?» [1, с. 31] – «во всех однопартийных режимах избираемые, то есть руководители, назначают избирателей, то есть секретарей ячеек, секций или федераций, короче говоря – руководителей во всех звеньях иерархии... Партийные и парламентские выборы – не более чем разновидности ритуальных приветствий, коллективные проявления энтузиазма, они не обладают ни одной из тех черт, которые свойственны выборам западного типа» [1, с. 32].

Связь однопартийности и тоталитаризма: «любой однопартийный режим в индустриальных обществах чреват расцветом тоталитаризма» [1, с. 111]. «У революционных партий есть общие черты, которые приводят к тоталитаризму, – масштабность устремлений, радикальность позиций и выбор самых крайних средств» [1, с. 112].

Каков человек коммунистического режима? «Человек, порожденный коммунистическим режимом, – не цельное существо, слившееся с определенным верованием и определенным обществом, а двойственная натура, он приемлет общие принципы с большей или меньшей убежденностью, зная, что можно, а что нельзя говорить с учетом реального положения дел. Это человек человеческий, принадлежащий к индустриальным обществам, оснащенный учением, по отношению к которому он испытывает то скептицизм, то фанатизм» [1, с. 137].

Принцип многопартийного режима – уважение к закону и компромисс: «В плюралистическом режиме принцип – это сочетание двух чувств, которые я называю уважением законов или правил и чувством компромисса» [1, с. 32].

Связь партий и государства: «при западном многопартийном режиме государство считает своим достоинством то, что не руководствуется идеями ни одной из противоборствующих партий. Государство нейтрально – оно терпит многопартийность» [1, с. 30]. Государство терпит и оппозицию: «Принцип многопартийности также предполагает законность оппозиции» [1, с. 28]. При различии позиций государство обеспечивает ненасильственные методы борьбы за власть и ее осуществление: режимы Запада – «это режимы, где Конституция устанавливает мирное соперничество за реализацию власти. Такое устройство вытекает из Конституции» [1, с. 28].

Пространством такого мирного соперничества являются выборы: «в мирных условиях соперничество за реализацию власти находит выражение в выборах» [1, с. 29].

Ненасильственность режима подразумевает добровольное подчинение приказам власти (т.к. власть избрана демократически): «какова же главная трудность, с которой сталкивается режим, определяемый через реализацию власти? Приказы отдаются всем от имени некоторых. В лучшем случае правители представляют некое большинство. Но даже если они представляют меньшинство, все граждане должны подчиняться его воле» [1, с. 29].

Арон разбирает варианты ненасильственного решения спорных вопросов: «как добиться согласия в стране, где партии постоянно спорят? Возможны два метода. Первый связан с государственными институтами и заключается в том, чтобы определенные функции и лица в государстве стояли над межпартийными спорами. Второй метод, куда более мучительный, но зато более действенный, заключается в том, что устанавливаются ограничения действиям правителей – с тем, чтобы ни одна из групп не поддавалась искушению сражаться, а не подчиняться» [1, с. 29].

Арон не приукрашивает способы достижения успеха в этом режиме; кто может достичь высот карьеры? – «главным образом те, у кого хорошо подвешен язык, карьеру могут обеспечить и

другие достоинства: искусство кулуарных интриг, искусство компромисса, искусство манипулировать людьми» [1, с. 50].

Отмечена такая деталь: «в рамках конституционно-плюралистических режимов правящее меньшинство, разумеется, пользуется привилегиями» [1, с. 50].

Арон действительно стремится провести беспристрастный анализ режимов, и не может не замечать расхождение между тем, как должен функционировать многопартийный конституционно-плюралистический режим и тем, как он фактически функционирует в странах Запада, поэтому он говорит о разложении этого режима. Для различения здоровых и разложившихся конституционно-плюралистических режимов он вводит понятие «уровень разложения». Вот его анализ причин разложения: «Конституционно-плюралистические режимы могут разлагаться из-за избыточной олигархичности или из-за чрезмерной демагогичности. В первом случае разложение, надо полагать, наступает оттого, что некое меньшинство использует государственные институты в своих целях, препятствуя воплощению лежащей в основе режима идеи о гражданском правлении.

Второй вид разложения проявляется тогда, когда олигархия становится, так сказать, слишком незаметной, когда всевозможные группы проявляют бескомпромиссность в осуществлении своих требований и для сохранения общих интересов уже не остается реальной власти» [1, с.64].

Арон не отождествляет многопартийное и индустриальное общество, напротив, к индустриальному он относит и такое однопартийное общество, как СССР. Рассуждая о добродетельности индустриального общества, он отказывается от представлений, высказанных Монтескье: «общества, в которых мы живем, не могут быть добродетельными по Монтескье. В его понимании добродетель включает в себя стремление к равенству и умеренности, а это не имеет ничего общего с сущностью индустриальных обществ. Коммунистические или демократические общества не добродетельны и не могут быть таковыми. Их цель – производить как можно больше и как можно лучше. Невозможно вообразить общество, назначение которого – производить как можно больше и при этом распределять как можно меньше. В условиях экономики, которая старается создать изобилие, нельзя рассматривать в качестве высшей ценности умеренность» [1, с. 67].

В итоге Арон приходит к таким выводам:

Конституционно-плюралистические режимы, обычно называемые демократическими, не могут не вызывать разочарования в силу своей прозаичности и оттого, что их высшие добродетели негативны. Они прозаичны, ибо считаются с несовершенством человеческой природы. Они мирятся с тем, что власть обусловлена соперничеством групп и идей. Они стремятся ограничить реальную власть, поскольку убеждены, что заполучившие власть люди злоупотребляют ею. Есть у таких режимов и позитивные качества – уважение к конституционности, личным свободам; но все же наивысшие их добродетели скорее носят негативный характер [1, с. 63].

Но, несмотря на это, в целом и в большинстве случаев конституционно-плюралистический режим предпочтительнее режима с монополизировавшей властью партией, – если мы стремимся к экономике, которая обеспечивает благосостояние страны [1, с. 60]. Отвечая на возражение Парето («Максимальное увеличение благосостояния граждан иногда ставит под угрозу существование и оборону самого сообщества» [1, с. 61]), Арон пишет, что этот конституционно-плюралистический режим – режим миролюбивый, режим мира, а не войны: «Конституционно-плюралистические режимы задуманы для условий мира» [1, с. 61].

Отвечая на второе замечание Парето, почему этими режимами были в XIX в. так быстро завоеваны, а в XX в. быстро утрачены колонии, Арон пишет: «этим режимам все более недостает идеологических средств для оправдания своих имперских амбиций, и у них нет ни потенциала насилия, ни потенциала лицемерия, которые необходимы для стабильного проведения курса, противоречащего их идеям» [1, с. 61].

Однако столь противоположные режимы объединяет общность «индустриального общества» и «индустриального человека». «Вот почему я не думаю, что противопоставление друг другу двух типов режима означает противопоставление двух идей, коренным образом отличных. Нет оснований предполагать, что современный мир раздирается двумя идеологиями, обреченными на постоянную борьбу» [1, с. 137].

Итак, подводя итог и оценивая работу Арона, прежде всего, можно отметить, что его отношение к индивидуализму и коллективизму как принципу общественного устройства явно на стороне индивидуализма, тогда как в аспекте партийного режима – явно на стороне коллективизма. Такой вывод свидетельствует о том, что здесь один термин использован для обозначения разных понятий.

Как и Хайек, Арон для проведения задуманного анализа использует понятие принципа («мне

хотелось бы применить понятие, предложенное Монтескье, – понятие основополагающего принципа» [1, с. 32]). Но, как и Хайек, Арон вынужден констатировать отказ от принципиальности в современном многопартийном политическом режиме, который представлен странами западной цивилизации и вынужденную замену принципиальных подходов компромиссами, т.е. беспринципностью. Он понимает это противоречие, относя его к двусмысленности понятия компромисса («Это трудно уяснимое, двусмысленное понятие» [1, с. 32]). В капиталистическом обществе действительно другого выхода для разрешения антагонистических противоречий не остается. Хотя Арон и осознает недостатки такой «беспринципности»: «компромисс может быть использован и во благо, и во зло. Трагедия западных режимов в том, что компромисс в иных областях приводит к катастрофам. При проведении внешней политики компромисс весьма часто лишает возможности найти выход из затруднительного положения, поскольку приходится выбирать между политическими курсами, каждый из которых несет определенные преимущества и неудобства. Компромиссная политика не ликвидирует опасности, она их множит, подчас нагромождая неудобства, связанные с проведением каждого из возможных курсов» [1, с. 32]. Он находит, однако, оправдания этой беспринципности: «соглашаться на компромисс – значит отчасти признавать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех» [1, с. 32]. Но главное оправдание – необходимость избежать насилия в любой форме.

Это оправдание неубедительно. Насилие не неизбежно в системе, связанной единой целью, но неизбежно подчинение личных целей общественным, если они им противоречат, т.е. ограничение свободы неразвитого до духовного уровня человека (свободы слова, свободы экономической деятельности и т.д.), расцениваемое Ароном в его системе категорий как «бессилие неверующих», однако отнюдь не означающее, как правило, лишение этого человека других прав, не только провозглашенных в Конституции, но и реально предоставляемых (прежде всего, права на труд). Хотя, как исключение, возможно было лишение и этих прав, если человек не подчинялся требуемым ограничениям. Физическое насилие же в некоторых конкретных ситуациях и периодах времени следует отнести к недостаткам и ошибкам системы.

Западное сознание не знает нравственных норм деятельности – они заменены правовыми нормами. Иные, не правовые нормы оно не воспринимает как нормы: действия иронично оцениваются в альтернативе «по закону» или «по понятиям». В соответствии с таким сознанием Ароном вводятся понятия «законной политической деятельности» и «конституционный характер режима» и построен дальше анализ двух политических систем. Это не значит, что действия однопартийного режима однозначно можно оценить как нравственные. Однако в указанной разнице коренится кардинальное различие в понимании свободы человека и нравственности общественного устройства. Возможно, Арон это понимает, говоря о разложении конституционно-плюралистического режима.

Арон смотрит на однопартийный режим глазами западного человека, через сетку его ценностей. Он не замечает, что нельзя характеризовать однопартийный режим только теми качествами, которые проявлялись в его реальном воплощении. Были ошибки, какие-то из них исправлялись, какие-то было невозможно исправить, но они признавались как ошибки – без учета всего этого (ошибки конституционно-демократических режимов автор признает и учитывает: «Определенные ошибки, которые совершили государственные служащие, представители частных интересов, равно как и парламентарии...» [1, с. 62]) и эмпирическая картина неполна, а построенная на ней концепция – недостоверна. Утверждая, что «сущность однопартийного режима, где государство определяется идеологией партии, монополично владеющей властью, одна: запрет всех идей, изъятие из открытого обсуждения множества тем, позволяющих обнаружить различные точки зрения» [1, с. 31], Арон не делает различия между целью и ценностями, заданными в идеологии (и действительно незыблемыми, как незыблемы и ценности идеологии западных стран) и средствами их достижения, которые могут быть различными и должны дискутироваться в рамках однопартийного (но, возможно, многофракционного режима, что сближает его с многопартийным) или многопартийного режимов.

Потому можно согласиться с мнением Арона, что «конституционно-плюралистический режим предпочтительнее режима с монополизировавшей властью партией, – если мы стремимся к экономике, которая обеспечивает благосостояние страны» [1, с. 60], однако расхождение с автором и начинается в вопросах, к чему «мы стремимся» и как понимать «благосостояние страны».

Различие режимов в ответе на первый вопрос (к чему стремимся, т.е. какая цель?) объясняет и иную, противоположную их оценку, во всяком случае, социалистического как однопартийного и западного как многопартийного. Многопартийные конституционно-плюралистические режимы не имеют цели, не видят будущего, оно им безразлично, их благо – это благо «здесь и сейчас», а

жизнь потомков не имеет значения (как и вообще их наличие) В отличие от них при социализме строится общество, в котором достигается целостность системы. Цель всегда идеальна (Э. Ильенков), она присутствует только в воображении, но человеческая деятельность тем и отличается от жизни животного мира (тоже самоорганизующегося), что имеет осознанную цель не только индивида, но и общества – по крайней мере, сохранение его целостности. И это достигалось – Вторая мировая война это продемонстрировала. Да, тезис Арона: «их высшее оправдание не в том, что было или есть, а в том, что будет» [1, с. 31], в отстаиваемой здесь категориальной системе звучит так: «их высшее оправдание в том, что общество связано общей целью, потому оно образует систему (в отличие от западного) и жизнь человека и всего народа – стремление к этой цели».

Второй вопрос (благополучие страны) на Западе до последнего времени трактовался с позиции экономического благополучия как человека, так и страны в целом. Вопрос духовного благополучия не стоял. Однако со второй половины прошлого века, когда витальные потребности членов общества были, в целом, удовлетворены, а духовные потребности общество не стремилось развивать, началась новая фаза того общества, которое Арон называет индустриальным – постиндустриальная, для оценки благополучия которой требуются уже иные критерии, т.к. понятия, которыми оперирует Арон, превращаются в симулякры. Тогда как в социалистическом обществе, где приоритетен дух коллективизма и человек человеку действительно «друг, товарищ и брат», где сохранена культура как носитель этого духа, благополучие страны оценивалось не только по уровню материального благополучия, который должен удовлетворять витальные потребности человека, но и по духовной составляющей.

На этой новой фазе рассмотренное выше первое возражение Парето («Максимальное увеличение благосостояния граждан иногда ставит под угрозу существование ... самого сообщества») реализуется: западное общество вымирает (такова статистика ООН), отсутствует его воспроизводство. И представляется совсем далеким от истины ответ Арона на второе возражение Парето, говоря об угасании в XX в. имперских амбиций конституционно-плюралистических режимов, Арон объясняет это угасание тем, что у этих режимов «нет ни потенциала насилия, ни потенциала лицемерия, которые необходимы для стабильного проведения курса, противоречащего их идеям».

Понятно стремление Арона отделить фашизм от конституционно-плюралистического режима и соединить его с другими не конституционно-плюралистическими режимами в один класс. Но по другому основанию (индустриальному) он соединяет в другие классы анализируемые общества и находит что-то в них общее («индустриальный» человек как человек-эгоист, потребитель). Здесь возражение: он не знает советского человека, а берет только ту часть общества, которая стремилась к власти, к карьере, к материальным благам – да, ей приходилось лицемерить и исполнять роли, но это нравственно неразвитые люди («экзистенциальный уровень»), тогда как они не представляли большинства. Более типичен другой человек – ему присуща цель сохранения целостности, хотя сама целостность имеет разные уровни (от семьи, круга друзей, земляков и т.д. до нации, этноса, вида *Homo sapiens*, в целом жизни на Земле), к которым он поднимается, развиваясь в коллективистской среде и культуре.

Действительно, создаваемое общество было рассчитано на скромное материальное потребление, но богатое – духовное.

Говоря о внешней политике разных политических режимов, Арон утверждает: «Режимы, где парламентарный стиль – норма, всегда избегают радикальных решений, всегда склонны к компромиссам» – в наше время Постмодерна имеет массу опровергающих широко известных фактов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
2. Румянцева Н.Л. Историческая эволюция индивидуализма и коллективизма как базовых ценностей человека и социума. Ч. 1. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1.